

ОБОЗРѢНІЕ МАЛОЙ АЗІИ

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕЯ СОСТОЯНІИ,

СОСТАВЛЕННОЕ

Русскимъ путешественникомъ

М. В.

Часть вторая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

1840.

47061

Только въ Кесарей, Брусей, Смирнѣ, Токатѣ и Юзгатѣ число Армянъ нѣсколько значительно; потомъ еще наберется около десятка мѣстъ, гдѣ Армянъ считается до тысячи и болѣе; въ остальныхъ же мало, часто немногіе десятки домовъ.

Кромѣ селеній Урумъ-диге (при Кызыль-Ирмакѣ, сѣвернѣе Кесарей) Армяне живутъ только въ городахъ; въ деревняхъ ихъ нѣтъ вовсе.

Армяне-Католики находятся только въ Смирнѣ, Ангорѣ, Брусей, Кютайѣ и Токатѣ, и можетъ быть еще кое гдѣ отдѣльными семействами.

Большая часть Армянъ-Католиковъ отступили отъ древняго своего исповѣданія недавно. Церквей у нихъ еще нѣтъ; но они въ скоромъ времени надѣются пеходатайствовать позволеніе строить церкви чрезъ Французское и нѣкоторымъ другімъ посольства.

Духовенство у Армянъ-Католиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже изъ Армянъ, въ другихъ же еще изъ Персотовъ. Въ послѣдніе годы многіе молодые Армяне изъ Смирны и изъ Ангоры отправлены для воспитанія въ Италію, съ тѣмъ, чтобы потомъ сдѣлаться Священниками въ Анатоліи; изъ нихъ нѣкоторые (очень впрочемъ немногіе) окончили ученіе; но они, привыкнуши жить въ Европѣ, весьма неохотно соглашались поселиться въ край необразованномъ и стараются избавиться отъ того всевозможными средствами, то выпрашивая себѣ мѣста въ Смирнѣ или гдѣ нибудь на островѣ, то совсѣмъ отказываясь отъ духовнаго званія. Нынѣшніе Католическіе священники Армяне мало образованны, но они гораздо выше Греческаго и даже Армянскаго духовенства во всѣхъ отношеніяхъ и очень уважаемы народомъ. Пользуясь такимъ преимуществомъ, они употребляютъ въ дѣйствіе всю духовную власть свою, чтобы послать въ Армянахъ-Католикахъ отвращеніе къ прежнимъ ихъ единовѣрцамъ, называемымъ ими теперь Армянами-Еретиками. Съ другой стороны Армяне оставшіеся при своемъ Вѣроисповѣданіи почитаютъ принявшихъ Католицизмъ Апостатами, людьми, которые для мірскихъ видовъ, для пріобрѣтенія покровительства Европейцевъ-Католиковъ, отвергли внутреннее свое убѣжденіе, впади въ грѣхъ неотпускаемый. Такимъ образомъ взаимная не-

навьность растеть и распложается, а между тѣмъ Католицизмъ дѣлаеть новыя успѣхи и новыя приобрѣтенія.

Армяне (собственно такъ называемые, то есть не-Католики) имѣютъ церкви въ многихъ городахъ и довольно большой Монастырь близъ Ангоры, въ которомъ пребываетъ Епископъ. Постройкою Армянскія церкви снаружи похожи на Греческія — та же почти плоская кровля, обыкновенно безъ креста на верху, или иногда съ маленькимъ крестикомъ, едва замѣтнымъ; тѣ же низкія стѣны, узкія окна. Внутри совсѣмъ другое: богатая или бѣдная, Армянская церковь всегда украшена, въ грубомъ конечно вкусѣ, но сообразно съ своимъ назначеніемъ, и невольно внушаетъ посѣтителю чувство благоговѣнія. Пѣніе въ Армянскихъ церквахъ двоякое: одно совершенно на Греческій ладъ, носовое, чрезвычайно странное для Европейскаго уха: одинъ поетъ мелодію, то безконечно протяжными, то отрывистыми звуками; прочіе сопровождаютъ главнаго пѣвца, изъ всей ссымы вытягивая одну ноту безъ словъ, выражая голосомъ звукъ буквы *а* или *э*, сколько достанетъ дыханія. Другой родъ пѣнія есть, говорятъ, древній Армянскій: это хоръ, въ которомъ участвуетъ попеременно большее или меньшее число голосовъ, переходя иногда отъ простаго хоральнаго пѣнія къ фугѣ. Напѣвъ этаго втораго рода, не носовой, но чистый и пріятный, очень мелодическій и даже часто гармоническій, имѣетъ разительное сходство съ старымъ нашимъ церковнымъ пѣніемъ, какъ оно въ многихъ мѣстахъ осталось до нынѣ въ малыхъ городкахъ и селахъ.

Армянское Богослуженіе не подобно Греческому по впечатлѣнію, которое оно производитъ на слушателя. Въ Греческой Мало-Азійской церкви едва вѣрится, что находишься въ Храмѣ, что совершается Священнодѣйствіе: такъ неблагоговѣнно все, начиная отъ голоса и пріемовъ служащаго, до поведенія молящихся; въ Армянской, напротивъ, торжественность всего имѣетъ въ себѣ что-то мрачное и таинственное, почти страшное: неслужащіе Священники (и, если есть, Епископъ) сидящіе на колѣнахъ, въ черномъ одѣяніи, съ опущенными на лице покрывалами клобуковъ, въ совершенной неподвижности; глубокое благоговѣніе пребывающихъ въ такомъ же положеніи мірянъ, то недвижныхъ, съ опущенными глазами, то, по слову Священника, наклоняющихся челомъ до

земли; совершенная тишина въ мгновеніе, когда чтець и поющій умолкаютъ; закутанныя покрывалами женщины, едва мелькающія на хорахъ или въ особомъ придѣлѣ за рѣшеткой — все это вмѣстѣ невольно приводитъ на мысль первыя времена Христіанства, когда тайна и страхъ были неразлучны съ совершеніемъ обрядовъ Вѣры.

Армянское духовенство необразованно; но оно далеко не въ такомъ униженіи, какъ Греческое, ведетъ себя гораздо лучше, принадлежитъ не къ черни а къ среднему и даже къ высшему сословію народа, то есть къ почетному кунечеству.

Кромѣ Смирны и Бруссы, Священники ни гдѣ не знаютъ Армянскаго языка, и служатъ по Турецки по книгамъ, печатаннымъ Армянскими буквами. Тоже дѣлается и въ дѣлахъ частныхъ, въ перенесеніи: въ школахъ учать читать и писать разговорный Турецкій языкъ, но не учать Турецкой азбукѣ — вслѣдствіе не пишутъ на немъ Армянскими буквами. Армяне говорятъ по Турецки несравненно лучше Грековъ, которые, не имѣя на своемъ языкѣ и не умѣя произносить буквъ *ы, ж, і, ш*, замѣняютъ ихъ буквами *и, з, те и с*, что крѣпко непріятно для слуха.

Въ Смирнѣ есть Армянская школа, устроенная по Европейски — въ ней преподается даже Исторія, начала Геометріи, Алгебры. Отъ этого еще недавняго заведенія ожидаютъ большой пользы; теперь покажутся взрослые Армяне въ Смирнѣ, кромѣ Турецкаго, знаютъ только свой языкъ, а по навыку Греческій и даже Италіанскій; коммерческія дѣла ведутъ они, какъ и всякъ внутри Анатоліи, безъ всякихъ теоретическихъ познаній, по преданію, по опытности, по смѣлливости. Во внутренности края нескѣжествомъ Армяне одинаковы съ Турками и Греками; тамъ для всѣхъ одно воспитаніе, одно ученіе, съ тою только разницею, что мальчикъ Турецкій читаетъ Коранъ, не понимая почти ничего, по Арабски, Греческій же и Армянскій разбираютъ Часословъ по Турецки, но не Турецкими буквами. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что школамъ въ Анатоліи есть только для мальчиковъ; женщинамъ читать и писать не знаютъ и это вовсе почитается имъ не нужнымъ. Въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ богатѣйшіе Греки и Армяне затѣяли учить грамотѣ дочерей своихъ; за это негодуютъ на нихъ многіе.

Земледѣліемъ Мало-Азіійскіе Армяне занимаются немногіе; ремесла и торговля составляютъ ихъ главнѣйшій промыселъ — богатѣйшіе купцы во внутреннихъ городахъ Малой Азіи суть Армяне; они ведутъ дѣла съ большею, нежели Греки, настойчивостію, даже съ большею честностію, хотя это должно приписывать не столько нравственному побужденію, какъ тонкому расчету, по которому барышъ постоянный и вѣрный предпочитаютъ они выгоду большой, но слишкомъ насильственной и слѣдственно опасной для успѣха будущихъ предпріятій. Мало-Азіійскій Армянинъ (именно-Азіійскій: говорятъ, что Армяне въ Арменіи имѣютъ совсѣмъ иной характеръ) не одаренъ ни Греческимъ притворствомъ ни Греческою увертливостію; онъ завидуетъ Греку въ его присутствіи духа, въ его безстыдствѣ и смѣлости на всякое плутовство. Армянинъ говоритъ: «Греки умѣе насъ; мы не умѣемъ, такъ какъ они, жить въ свѣтѣ, неуклюжи и отъ того много терпимъ. Турокъ стоитъ съ ножомъ надъ горломъ, а Грекъ не робѣетъ, цалуется Турку башмакъ и тутъ же, цалуя, обманываетъ глупаго Турка! далеко намъ до Грековъ.» Многіе Армяне однако—особенно богатѣйшіе купцы и старшины—не могутъ пожаловаться на недостатокъ въ себѣ прибыльныхъ качествъ: они подъ самою мнимую грубостію и простотою своею скрываютъ много хитростей и уловокъ, умѣютъ казаться въ глазахъ народа его защитниками передъ Правителемъ, а въ глазахъ Правителя покорными и усердными рабами, наблюдая при томъ главное, свою собственную выгоду. Такимъ образомъ ведутъ свои дѣла особенно банкиры, наживающіеся съ видомъ безкорыстія, съ безпрестанными жалобами на тягость своего званія.

Нельзя не замѣтить, что Армяне своимъ характеромъ, образомъ жизни, обращеніемъ, правами, подходятъ ближе къ Туркамъ, нежели къ Грекамъ — и это уже говорить нѣсколько въ ихъ пользу. Лице и весь наружный видъ Армянина — его поднятая кверху голова, почти неподвижный взглядъ, грубая, но чистая и рѣзкія черты, медленность походки, нѣкоторая отѣнка гордости въ самомъ униженіи передъ Туркомъ—все носитъ отпечатокъ если не самоуваженія, то по крайней мѣрѣ спокойной преданности судьбѣ своей. Можетъ быть самое это, вмѣстѣ съ спокойствомъ и твердостію права, съ умѣренностію

въ барышничествѣ, пріобрѣтаетъ Армянамъ отъ Турокъ что-то похожее на уваженіе: въ нихъ видятъ народъ трудолюбивый, полезный, не строптивый, знающій, такъ сказать, свое мѣсто въ настоящемъ устройствѣ общества — на нихъ глядятъ довольно благосклонно.

Хотя у Армянъ мужчины и женщины живутъ не отдѣльно, но въ многихъ мѣстахъ женщины закрываются передъ всѣми, кромѣ близкихъ своихъ родственниковъ; на улицѣ же Армянки являются не иначе, какъ подъ покрываломъ, вездѣ, даже въ Смирнѣ, гдѣ впрочемъ онѣ скидываютъ покрывало, когда выходить изъ Турецкой части города, а нѣкоторые закрываются только въ церкви. Жены почитаются, еще болѣе нежели у Грековъ, служанками мужей — не садятся съ ними за столъ и одиѣ исправляютъ всѣ домашнія работы, какъ Турчанки. Нарядъ женщинъ почти вездѣ тотъ же что и у Турчанокъ; въ иныхъ мѣстахъ однако онѣ носятъ особенный, довольно безобразный головной уборъ, въ родѣ кокошника, но гораздо обширнѣе. Поясъ застегивается у нихъ огромными металлическими заплатами, въ видѣ полушарія каждое, съ разными узорами.

Мужчины носятъ одежду по большей части длинную, нижнюю разныхъ цвѣтовъ, а верхнюю черную или покрайней мѣрѣ очень темную; на головѣ же нѣкоторые чалму, а зажиточные въ Ангорѣ, Смирнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ черную мерлушечью шапку, имѣющую видъ груши со срезаннымъ концемъ; подъ шапку, какъ подъ чалму, надѣвается малый красный фесъ, подложенной фесомъ же изъ тонкой бумажной ткани. Во время Греческой революціи, когда въ Малой Азіи Греки подвержены были жестокимъ гоненіямъ, Смирненскіе Армяне придумали особый головной уборъ, по которому бы можно было издали отличать ихъ отъ Грековъ. Это шапка съ широкимъ расходящимся вверху мерлушечьимъ околышкомъ, съ краснымъ суконымъ верхомъ, выдающимся изъ околышка значительно, кончающимся четырьмя округленными, обращенными вверхъ, углами. Такую шапку нѣкоторые носятъ еще и понынѣ.

Дома Армянъ довольно близко подходятъ къ домамъ Турецкимъ не только наружностію, но и внутреннимъ расположеніемъ и густыми рѣшетками въ окнахъ, хотя женщины рѣдко бываютъ помѣщаемы въ особой половницѣ. На-

которые однако Смирненскіе, Брусскіе (и не многіе еще кое гдѣ) Армяне строятъ уже себѣ жилища болѣе открытыя, болѣе сообразныя съ требованіями мало по малу возрастающей общественности. Внутри домовъ Армянскихъ замѣтна необыкновенная въ Анатоліи чистота, которая однако не мѣшаетъ въ сущности дѣла неопрятности: живущіе въ хорошо выметенной, съ вымытыми стѣнами, съ незасаленными софами комнатъ, не раздѣваются по десяти дней сряду, ситъ какъ ходить, скинувъ только верхнее платье, подобно Грекамъ и Туркамъ низшаго и среднего сословія. Слѣдствіемъ того бываетъ отвратительный запахъ и въ другія принадлежности скопленія испареній тѣла — человѣкъ пріѣзжій часто не можетъ сомкнуть глазъ цѣлую ночь, лежа на тюфякѣ, застланномъ начисто вымытой простынею, покрытомъ красивымъ одеяломъ.

О пицѣ и столовыхъ приборахъ Армяне нѣчего сказать въ особенности: все это на Турецкій ладъ, въ Турецкомъ вкусѣ: кое-гдѣ однако есть столовые ножи и вилки, какъ у зажиточнѣйшихъ Грековъ; но и тѣ и другія (пары по двѣ, по три, въ домѣ) лежатъ заржавленные въ поставцахъ, безъ всякаго употребленія.

До крѣпкихъ напитковъ Армяне охотники и особенно до водки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Амасіи, они пьютъ часто въ продолженіе цѣлаго дня, даже въ будни, не только въ праздники, но отъ сильной привычки пьютъ очень скоро. Зажиточные Ангорцы-Армяне готовятъ и держатъ въ погребахъ довольно хорошія вина, которыми любятъ хвастать и подчивать своихъ пріятелей, Христіанъ и иногда Турокъ. Женщины пьютъ очень мало; онѣ вообще весьма строгихъ правилъ — такъ по крайней мѣрѣ говорить общее мнѣніе.

Армянки подобны Турчанкамъ правильностію фізіогноміи и чистотою лица, стройнаго, но бездушнаго, неспособнаго ни къ какому выраженію. Страсть къ бѣлиламъ, румянамъ и всякимъ притираньямъ между Армянками всеобщая; онѣ еще старательнѣе Турчанокъ разрисовываютъ свои брови широкими дугами, отдѣляющимися вверху и внизу очень рѣзко и соединенными на переносицѣ — такія всплошныя брови почитаются особенною красотою. Формы тѣла у Армянокъ кажется еще хуже, нежели у другихъ восточныхъ

